

0- 783794

На правах рукописи

ДЖАМБЕКОВА ТАМАРА БЕЛАЛОВНА

**РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В ЭВОЛЮЦИИ
ЧЕЧЕНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА**

**Специальности: 10.01.02 – Литература народов РФ
10.01.09 – Фольклористика**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Майкоп – 2010

Работа выполнена на кафедре литературы и методики преподавания Чеченского государственного педагогического института

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор Хуако Ф.Н.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Туркаев Х.В.
доктор филологических наук,
профессор Ципинов А.А.
доктор филологических наук,
профессор Шиков К.М.

Ведущая организация: Пятигорский государственный
лингвистический университет

Защита состоится «29» июня 2010 г. в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.001.02 в Адыгейском государственном университете по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского государственного университета.

Автореферат размещен на сайте ГОУ ВПО «Адыгейский государственный университет» www.adygnet.ru

Автореферат разослан «28» мая 2010 г

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000609633

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Унарокова Р.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Проблема взаимодействия двух глобальных эстетических систем – фольклора и литературы – является актуальной на всех этапах развития новописменных литератур. То, что фольклоризм северокавказских литератур, в том числе чеченской, является недостаточно разработанным, признается ведущими учеными-кавказоведами. Развитие чеченской фольклористической и литературоведческой науки в силу известных исторических обстоятельств вынужденно прерывалось не раз, что в определенной степени сказалось на ее нынешнем состоянии. Следует отметить, что наряду с существующими трудами известных ученых Ю. Айдаева, К. Гайтукаева, И. Мунаева, Х. Туркаева и других, создавших научную основу чеченского литературоведения и фольклористики, в последние годы чеченская литературоведческая наука пополнилась исследованиями М. Губанукаевой, О. Джамбекова, С. Инаркаевой, М. Исмаиловой. Вместе с тем, актуализация темы настоящего исследования обусловлена постановкой проблемы, которая в таких масштабах и содержании еще не привлекала внимания ученых. Этим обстоятельством мотивировано наше обращение к структурно и теоретически весьма непростой проблеме, остающейся актуальной и малоисследованной. Она напрямую связана со следующими обстоятельствами:

- 1) чеченский фольклор теоретически недостаточно осмыслен, причиной чему, кроме социально-идеологических факторов, является то обстоятельство, что он не существовал самостоятельно и рассматривался в контексте вайнахского устно-поэтического наследия, что усложняло решение проблем его сугубо чеченского варианта (в поэтическом, ментальном, психологическом, языковом, стилистическом и других аспектах);
- 2) проблемы взаимовлияния чеченского фольклора и устного творчества других народов (как внутри вайнахского мира, так и духовного мира народов, среди которых вынужденно проживали чеченцы) требуют особого аналитического инструментария;
- 3) издать в более или менее полном объеме чеченский фольклор в ближайшее время не представляется возможным;
- 4) в исследованиях отмечается факт взаимодействия фольклора и национальной литературы, что требует обобщения и анализа существующих суждений по данной проблематике.

Эти обстоятельства усугубляют и усложняют изучение начал национального устного творчества, формы и объема его бытования в сегодняшнем мире чеченца, следовательно, характера и природы влияния фольклора на национальную литературу;

Ситуация такова, что анализ фольклорно-литературных взаимоотношений требует более глубокого осмысления духовно-эстетических основ народного творчества, закономерностей формирования в нем жанров, в том числе и мифологических, характера и причин их эволюции в национальном сознании, уровня их сохранения и усовершенствования в более поздней устно-творческой деятельности, и главное, как сказываются взаимоотношения фольклора и литературы на разных этапах развития. Традиционно считается, что они складываются по восходящей линии, которая начинается с освоения простых и ясных сюжетов фольклора и завершается созданием крупных произведений, напоминающих (по структуре и жанровым принципам) авторские эпические творения. Фактически в подобном взаимоотношении двух разных, но близких эстетических систем проявляются только их внешние повествовательные признаки, и большинство младописьменных литератур пошло по этому пути.

Есть и другая линия формирования взаимоотношений двух указанных художественных систем: речь идет об имплицитном фольклоризме, освоении в письменном художественном тексте глубинных философских, духовных, гуманистических залежей национального устного творчества, что У. Далгат называет «процессом длительного взаимодействия». В этом дифференцированном проявлении обозначенного факта, разумеется, зримого водораздела нет. И писатели, «работающие» с фольклором, меньше всего думают об этом, однако в зависимости от характера и уровня их таланта обнаруживается та или иная линия в художественном произведении. В этом контексте данный вопрос почти не изучался в чеченском литературоведении, хотя примеры в соседних регионах имеются (Г. Гамзатов – в Дагестане, Ю. Тхагазитов, А. Гутов, М. Хакуашева, А. Ципинов – в Кабарде, Р. Унарокова, К. Паранук – в Адыгее и т.д.).

С учетом накопленного опыта есть настоятельная необходимость создания работы обобщающего типа, отражающей закономерности эволюции чеченской прозы (самого значительного и объемного звена в национальной литературе) и роль фольклора в данном процессе. Актуализация темы является предметом исследования мо-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

тивирована еще тем, что фольклор на всех этапах развития чеченской прозы был и остается одним из значимых формообразующих и стилеобразующих факторов и служит продуктивным средством, используемым писателями для изображения духовного мира человека.

Методологические основы исследования составили труды ученых по проблеме «фольклор – литература», теории фольклора, типологическим закономерностям взаимодействия духовно-эстетических, художественных завоеваний народа.

Крупнейший философ культуры Элиот писал: «Английские литераторы редко вспоминают о традиции, они лишь время от времени сожалеют о ее отсутствии. Мы не пользуемся ни понятием «традиция», ни другим – «традиции», – и далее уточняет свою идею – «нельзя унаследовать ее (традицию – Дж. Т.), ее можно обрести лишь путем серьезных усилий. Она, прежде всего, предполагает чувство истории, чувство истории, в свою очередь, предполагает понимание той истины, что прошлое не только прошло, но продолжается сегодня (подчеркнуто нами – Дж. Т.); чувство истории побуждает писать, не просто сознавая себя одним из нынешнего поколения, но ощущая, что вся литература Европы, от Гомера до наших дней, и внутри нее – вся литература собственной твоей страны существует одновременно и образует единовременный соразмерный ряд»¹. Мысль Элиота комментирует Н. Анастасьев: «В его представлении художник способен осуществиться, лишь глубоко осознав связь с предшествующими поколениями, с поэтическим порядком, который сложился независимо и задолго до появления на литературной сцене».² Он говорит о поэтике литературной преемственности, тем не менее, методологически эти слова подтверждают объективную закономерность многогранного взаимодействия литературы и фольклора.

Социальный подход (все советские годы) к изучению фольклора был важнейшим для нашей науки. Сказать, что он изжил себя, было бы далеко не верным, особенно в национально-региональных исследованиях. Не исключение и фольклористика северокавказского региона. Объективности ради следует подчеркнуть, что в трудах некоторых ученых просматривается новое прочтение фольклорного материала, конкретно исследуются вопросы взаимодействия фольклорных

¹ Цитируем по... Вопросы литературы. – 1993. – Вып. 3. – С. 10.

² Анастасьев Н. Не распавшаяся связь // Вопросы литературы. - 1993. - Вып. 3. - С. 10.

традиций с литературными¹. В книгах К. Паранук, М. Хакуашевой на современном уровне анализируются проблемы мифологизации северокавказского романа последних десятилетий. Тяготение прозы к мифоэпической образной системе обусловлено «диалектикой национального и общечеловеческого, стремлением включить в единый поток настоящее с прошлым, для обнаружения их единой метафизической природы или сохранения и возрождения национального мифоэпического наследия».² У.Б. Далгат давно обратила внимание на плодотворность «применения принципов системного анализа, когда под системой понимают комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» литературного и фольклорного материалов³.

Принципы системного изучения фольклора и литературы в их взаимодействии обрели глубинное теоретическое обоснование в трудах академика Г.Г. Гамзатова. По его утверждению, данная идея обрела бы большую теоретическую возможность, если рассматривать ее в более широком контексте, «выход за пределы собственной дисциплины, своего рода межсистемная поисковая кооперация означала бы системность более широкого плана и уровня»⁴. Академик Г. Гамзатов отмечает, что «проявление общих закономерностей литературно-фольклорных взаимоотношений наблюдается не только на различных этапах исторического и художественного развития культуры, но и в связи с региональной и национальной принадлежностью последней. И дело не только в том, что проблема фольклоризма теснейшим образом связана с вопросами национальной самобытности искусства: на определенных стадиях литературного развития фольклор выступал в роли своеобразного генетического кода национальной литературы»⁵. Литература любого народа начинается с «подражания» фольклору, определяя национальные качества архетипа художественного мышления. Так, при кажущейся близости национальных вариантов эпоса «Нар-

¹ Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. - Майкоп, 2006. - 312 с; Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. - Нальчик, 2007. - 378 с; Ее же: Онтологические основы адыгской мифологии. - Майкоп, 1996. - 59 с; Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов. - М., 2004. - 220 с; Шаззо Ш.Е. Художественное своеобразие адыгской поэзии (эволюция, поэтика, стилевые искания). - Майкоп, 2003. - 380 с.

² Мелетинский Е. Поэтика мифа. - М. Восточная литература, 2000. - С. 295-296.

³ Далгат У.Б. Литература и фольклор. - М, 1981. - С. 125-126.

⁴ Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. - М, 1996. - С. 338.

⁵ Гамзатов Г.Г. Указ. соч. - С. 339.

ты», при очень внимательном прочтении текстов обнаруживается, что Саусоруко, Бадыноко и другие герои эпоса в адыгских вариантах предстают в мужественно-героическом, подвижническом ореоле, тогда как в чеченском (и в целом – вайнахском), они более приземленные, простые. Архетипическое в данном контексте складывается из национального отношения народов к сказочным персонажам. Имея в виду эти обстоятельства, М. Хакуашева подчеркивает, что особый интерес вызывает... «теория архетипов применительно к младописьменным литературам».¹ К такому выводу автор приходит в результате солидного аналитического обзора трудов по теории и истории архетипов, начиная с трудов Платона и завершая сегодняшними. Теория архетипа во многом определила направление многих современных исследований по проблемам взаимодействия фольклора и литературы². Следует отметить, что устойчивый интерес к данной проблематике сохраняется и ныне: в прошлом году в Казани состоялась научно-практическая конференция, в которой приняли участие сотни ученых из разных регионов России и других стран. По ее материалам была издана книга статей «Актуальные проблемы современной фольклористики» (Казань, 2009), в которой опубликованы труды по основным направлениям современной фольклористики, ее связях с другими гуманитарными науками. Определенные усилия предпринимают в этом отношении и чеченские (в целом – вайнахские) исследователи³. Актуальность этой проблематики подтверждает и У.Б. Далгат: «... встал вопрос, нужен ли (наряду с общетеоретическими принципами системного подхода) конкретный анализ фольклоризма того или иного писателя», – спрашивает она и отвечает: «Мы убедились в том, что такой анализ необходим»⁴. «В вопросе о том, в чем состоит новизна литературно-фольклорных связей..., мы, в первую очередь, исходим из признания их актуальности и на сегодняшний день»⁵.

¹ Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. - Нальчик, 2007. - С. 21.

² Воробьева Е. Бинарность и ее архетипические основания. - Омск, 2005; Пивнева Н. Архетипические образы в русской культуре. - Ростов-на-Дону, 2003; Урусбиева Ф. Метафизика колеса. - Сергиев Посад, 2003; Кунзкова Н. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. - М., 2006; Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов. - М. 2007. - 220 с; Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. - Майкоп, 2006. - 312 с.

³ Танкиева Л.Х. Генезис, специфика и типология ингушских сказок Махачкала, 2009; Далгат У. Этнопоэтика в русской прозе 20-90-х гг. XX века (Экскурсы) - М.: РАН, 2004: (С. 7).

⁴ Далгат У.Б. Этнопоэтика в русской прозе 20-90-х гг. XX века (Экскурсы) - М.: РАН, 2004.-С. 7).

⁵ Далгат У.Б. Указ. соч. – С. 301.

В. Жирмунский, обосновывая сравнительно-типологические и историко-типологические исследования закономерностей взаимодействия литературно-национальных систем, литературно-фольклорных взаимодействий, никогда не обходил вниманием вопрос об их проявлении в конкретном художественно-эстетическом процессе, даже в творчестве отдельного писателя. В статье «Пир Атрея и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе» он приводит десятки произведений, сюжетной основой которых стали легенды и предания древних времен разных народов, проводя прямые параллели между этими произведениями и общими их фольклорными источниками. Правда, это делается, чтобы показать их типологическую общность, но, как известно, общее, закономерное для однотипных явлений выводится из анализа конкретных, частных явлений (первоисточников)¹.

Многочисленные версии, как указывает В. Жирмунский, одного и того же сюжетного истока, «сложившиеся на протяжении пяти столетий (XII-XVII вв.), свидетельствуют о его широкой популярности у народов Западной Европы, о его жизненной силе как поэтического выражения трагедии любви и ревности. Генетически они связаны общим источником, из которого развивались в различных направлениях, частью последовательно, частью параллельно, на фоне традиционных представлений рыцарской литературы, как продукт индивидуального литературного творчества, но в тесном взаимодействии с устной безымянной фольклорной традицией»².

Фольклор всегда питал, питает литературу и, видимо, это будет происходить во все будущие времена, поскольку фольклор – явление первородное, древнее и всенародное, литература – вторичное, молодое, авторское. Однако полагать, что все произведения письменной художественной литературы имеют своих «старших братьев», по крайней мере, несерьезно, хотя надо бы подчеркнуть, что любое крупное художественное создание в слове, естественно, основывается на философии, опыте, духовном сознании народа, если даже писатель об этом прямо не думает при создании своего произведения. Поэтому вопрос взаимодействия фольклора и литературы остается чрезвычайно актуальным. Это подтверждают и классики в изучении данной проблемы (А. Веселовский, В. Жирмунский, Б. Томашевский, Б. Путилов, У. Далгат, С. Аверинцев, В. Пропп), и современные ученые (А. Топорков, В. Гацак,

¹ Жирмунский В. Сравнительное литературоведение. - Л.: АН СССР, 1979. - С. 375-397.

² Жирмунский В. Указ. соч. - С. 394.

Г. Гамзатов, Е. Мелетинский и др.). Смысл современного понимания данной проблемы, опираясь на суждения С.Аверинцева, сформулировал А. Топорков: «Оппозиция фольклор – литература ассиметрична: фольклор возник до литературы и первоначально никак не был соотнесен с ней, между тем литература с самого своего возникновения так или иначе соотнесена с фольклором; она либо ориентируется на фольклор, либо, наоборот, отталкивается от него, но, во всяком случае, во множестве своих форм сохраняет свое родство с ним. Фольклор и порождает литературу, и сосуществует с ней, и противостоит ей, и продолжает с ней взаимодействовать. Особая сложность ситуации определяется тем, что архаическая литература, еще не вполне отделившаяся от фольклора и ориентирующаяся на фольклорные источники, сохраняет такие признаки, как принципиальная ее анонимность и вариативность редакций.»¹. Прочитав еще одну, на наш взгляд, существенную мысль А. Топоркова: «Фольклорный текст в целом представляет собой не форму самовыражения индивида, но форму существования традиции» (подчеркнуто нами – Т. Дж.). И далее: «Произведение художественной литературы ценится своей новизной как выражение личности его создателя, его индивидуальных пристрастий и неповторимого жизненного опыта. Литературные тексты представляют собой условный мир с вымышленными персонажами. В фольклоре вопрос о степени достоверности повествования решается по-разному в разных жанрах. Так, например, содержание эпического произведения может восприниматься как правдивое повествование о давних временах»². Следует здесь добавить, что народ сочинял эпически широкие полотна по поводу крупных событий и деятельности видных исторических лиц.

Эти размышления имеют непосредственное отношение к фольклорному наследию чеченцев, такому же древнему, как и сам народ. В сознании чеченцев прошлое является более понятной субстанцией, нежели будущее: «... в философии чеченцев, основанной на фольклорном сознании, не совсем четко очерчена дефиниция «время будущее». Оно принадлежит мистике («Хин дерг – Дала бен ца хаь», Хиндолчунна юкьахь Дела бен вац») и как будто народным сознанием предано забвению как нереальное время. А реальное – это время настоящее, но устремленное в прошлое – корнями, мыслями, философией и неразрывно связано с ним. В этом смысле чеченцы подобны дереву, которое

¹ Топорков А. Фольклорные формы словесности // Теория литературы. Роды. Жанры. – И.:ИМЛИ РАН, 2003.-С. 155.

² Там же. - С. 147-148.

в настоящем ветвями устремлено к солнцу, а корнями – к прошлому»¹. «Человек в миропонимании чеченцев – это центр мироздания. Он в ответе даже за седьмого потомка, как ответствен был седьмой предок за него. Эта иерархия довлела над мыслями и поступками чеченца, начиная с того момента, когда он покидал колыбель, и не давала расслабиться до могильной тишины, означавшей конец его земного пути. Поэтому мы вправе утверждать, что мир воспринимается чеченцами через призму прошлого»². Эти слова напрямую свидетельствуют о том, насколько важен фольклор – средоточие духовной, интеллектуальной, нравственно-философской работы чеченцев в прошлом – для сегодняшней письменной литературы, для писателей, которые во многом ответственны за то, чтобы это прошлое сохранить в памяти потомков. Всякое свободное обращение современного писателя-чеченца с национальным прошлым опасно возможностью откровенного невосприятия его произведения нынешним читателем, чеченским обществом.

А также необходимо учесть то обстоятельство, что в сознании чеченца XX века собственное время всегда было менее значительным, чем прошлое. Даже в сфере фольклора публикации XIX века были гораздо более значительными, чем в XX веке: «По сравнению с XIX веком весьма скромными выглядят успехи по изучению и изданию чеченского фольклора в XX веке. Так, всего было издано три тома, а подготовленный к печати четвертый том, состоявший из трех десятков героико-исторических песен *или*, на частные средства вышел спустя почти сорок лет после его подготовки к изданию в 1970 г.»³. Следовательно, чеченский фольклор не только не издан полностью, даже малая толика того, что есть в народной памяти, еще не дошло до печати.

Эти положения и труды выдающихся ученых легли в основу методологии нашего исследования. В выработке концептуальных положений мы опирались на методологические принципы известных литературоведов и фольклористов М. Бахтина, А. Веселовского, Г. Гачева, В. Жирмунского, В. Кожина, К. Ломидзе, Е. Мелетинского, Н. Пархоменко, Т. Поспелова, В. Проппа, М. Храпченко, В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, В. Гацака.

Также учитывались исследования северокавказских ученых А. Алиевой, Х. Абдуллаевой, Ю. Айдаева, Л. Бекизовой, Я. Вагапова,

¹ Джамбеков О. О художественном времени и устно-поэтическом наследии чеченцев // Культура Чечни. История и современные проблемы. - М: Наука, 2002. - С. 71.

² Там же.

³ Чеченская народная песня XIX-XX вв. - М., 2005. - С. 9.

А. Гутова, У. Далгат, О. Джамбекова, Н. Джусойты, Л. Егоровой, С. Зухбы, Н. Колясникова, З. и М. Кумаховых, Н. Музаева, И. Мунаева, У. Панеша, К. Паранук, Х. Туркаева, Ю. Тхагазитова, Р. Ужаховой, Р. Унароковой, А. Хакуашева, Ш. Хута. А. Хапсирокова, М. Чентиевой, К. Шаззо, Ш. Шаззо, П. Чекалова, Н. Шикова.

В работах В. Жирмунского, А. Мелетинского, В. Проппа, В. Гусева, В. Гацака содержится большой теоретический материал о проблемах взаимоотношений двух разноплановых художественно-эстетических систем, которые определили наши поиски в исследовании дихотомии «национальный фольклор – национальная литература».

В исследованиях У. Далгат, А. Алиевой, Н. Джусойты, А. Гутова, Л. Бекизовой, С. Зухбы, Ш. Хута, Н. Колясникова, Ш. Шаззо, У. Панеша, К. Паранук, Р. Унароковой, Х. Туркаева, М. Хакуашевой разработаны некоторые (авторские, национальные) подходы к исследованию конкретных, частных аспектов проблемы «фольклор и литература». Этот опыт нам помог сформулировать практические направления в анализе малоизученной проблемы «фольклор – чеченская проза».

Степень изученности проблемы. Для решения обозначенных в работе задач необходимо было учесть данные исследований в различных областях знаний: фольклора, литературы, лингвистики, истории, этнографии.

Большой вклад в развитие чеченской фольклористической мысли внесли диссертационные исследования Мальсагова З.К. «Чеченский народный стих» (Владикавказ, 1933); Вагапова Я.С. «Чечено-ингушские эпические песни XVI-XVIII вв.» (Грозный, 1969); Садулаева Б.Б. «Волшебные сказки вайнахов» (Алма-Ата, 1980); Мунаева И.Б. «Поэтика и системные связи чечено-ингушских героико-эпических песен *или*» (М., 1981); Амаевой Т.Б. «Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки)» (Тбилиси, 1986); Джамбекова О.А. «Жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен *или*» (Майкоп, 2008), отражающие основные направления фольклористики.

Работа известного фольклориста У.Б. Далгат «Героический эпос чеченцев и ингушей: исследования и тексты» (М., 1972) посвящена вопросам генезиса и поэтики эпоса чеченцев и ингушей.

Значительным подспорьем в нашей работе стали глубокие и основательные монографические исследования известного чеченского

литературоведа Х.В. Туркаева «Исторические судьбы чеченцев и ингушей» (Грозный, 1978) и «Зарождение и становление реализма в чеченской и ингушской литературе (60-е годы XIX века – 40-е годы XX века)» (Тбилиси, 1984), посвященные осмыслению основных путей развития чеченской литературы, ее ведущих тенденций.

Мы опирались в своей работе также на диссертационные исследования Юсуповой Х.В. «Жанр повести в чеченской и ингушской литературе 20-30-х гг: становление и развитие» (М., 2000 г.); Инаркаевой С.И. «Эволюция жанров малой прозы в современной чеченской литературе» (Майкоп, 2000), посвященные проблемам развития малых эпических жанров. В диссертационной работе Исмаиловой М.В. «Проблемы традиций и жанровой разновидности в чеченском романе 80-90-х гг. XX века» (Майкоп, 2008) прослеживаются жанровые особенности и состояние современного романного эпоса. В своем диссертационном исследовании «Фольклорное и художественное мировидение С.-Б. Арсанова в контексте формирования и развития чеченской прозы» (Майкоп, 2006) Губанукаева М.М анализирует творчество известного чеченского писателя С.-Б. Арсанова в интересующем нас русле фольклорно-литературных взаимосвязей.

В статьях Юсуповой Х.В. «О некоторых аспектах повестей С. Бадугева» и «Особенности конфликта в рассказе М. Кибиева «Звездная рыба», Минкаилова Э.С. «Общечеловеческие проблемы в прозе М. Бексултанова», Исмаиловой М.В. «Элементы полифоничности в трилогии А. Айдамирова «Долгие ночи» рассматриваются отдельные аспекты состояния и развития современной чеченской прозы.

Различным проблемам чеченского фольклора посвящены статьи чеченских фольклористов Вагапова Я.С., Гиреева В.Ю., Хасиева С.М., Мунаева И.Б., Джамбекова О.А.

Объектом исследования являются эпические произведения известных чеченских писателей XX века С. Бадугева, Ш. Айсанова, С. Арсанова, М. Мамакаева, Х. Ошаева, Ш. Окуева, А. Айдамирова, Ш. Арсанукаева, М. Сулаева.

Предмет исследования – характер и особенности взаимодействия чеченской прозы XX века с устно-поэтической традицией.

Целью диссертационного исследования является всестороннее рассмотрение и выявление основных особенностей формирования и развития чеченской прозы, ее жанрового своеобразия, идейно-художественного содержания в контексте фольклорной традиции.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- обобщить и систематизировать существующий теоретический материал по проблеме формирования и развития чеченской прозы в контексте литературного процесса, выявить традиции и взаимосвязи;
- в соответствии с основными этапами эволюции чеченской прозы определить ее идейно-художественное своеобразие, жанровые особенности и фольклорную основу;
- определить роль фольклорных элементов и степень их влияния на идейную, художественную, эстетическую составляющие художественных произведений;
- обозначить ключевые концепты развития чеченской прозы на современном этапе и выявить особенности фольклорной парадигмы;
- рассмотреть эволюцию фольклористической концепции чеченских писателей.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые предпринимается попытка системного целостного анализа эволюции чеченской прозы с момента ее формирования и до наших дней с определением в ней роли национального фольклора, с введением в научный оборот выдающихся произведений С.-Б.А. Арсанова, А.А. Айдамирова, М.А. Мамакаева, М.А. Сулаева и других писателей с выявлением характера и их фольклоризма.

В ходе проведенного исследования впервые выявлены доминирующие мотивы и жанровые формы чеченского фольклора в национальной прозе. Автором изучено в широком художественном контексте многообразие фольклорно-жанровых образований, реализующихся в трилогии А.А. Айдамирова и в произведениях ведущих писателей Чечни, выявлен творческий самобытный характер использования устно-поэтического наследия. Вопрос влияния фольклора на чеченскую прозу ставится как вопрос об эстетическом и идейном содержании художественного творчества современных писателей. При этом впервые нами сформулированы положения о поэтапном освоении эстетики фольклора в разные периоды развития чеченской прозы и эволюции фольклористической концепции чеченской прозы XX века. К устному народному творчеству мы относимся как к общенациональному достоянию без классово-партийных и режимно-государственных регламентаций. В нашей работе мы пытались подойти к решению этого теоретического и практического вопроса с учетом и философского, и эстетического содержания национального фольклора в его связях с чеченской прозой.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Чеченская проза XX века развивалась в тесном взаимодействии с фольклорной традицией. Фольклор для чеченской литературы явился постоянным неиссякаемым источником, который питал и питает чеченскую литературу на всех этапах ее развития. Характер освоения устно-поэтического наследия и типы фольклоризма менялись на разных этапах в зависимости от состояния литературного процесса, проблематики, тематики произведений, уровня мастерства писателей.

2. Для зарождения и становления новописьменной чеченской литературы основными источниками стали устная народная традиция и опыт русской классики. В 20-30-е годы XX в. молодая чеченская проза аккумулировала в себе идеи новой русской литературы, а строила сюжетику, систему образов, формировала язык, стиль повествования по фольклорным образцам. Для ранних рассказов М. Сальмурзаева, С. Бадиева, Ш. Айсханова, С. Арсанова этого (первого) этапа характерно несколько формальное усвоение устно-поэтической традиции, открытая ориентация на фольклорные сюжеты, механическая контаминация фольклорных сюжетов с художественным материалом о современности.

3. Основные этапы развития чеченской литературы совпадают с периодизацией новой русской литературы, хотя война и депортация (40-50-е гг.) внесли свои коррективы. Для второго этапа (60-70-е гг.) освоения чеченской прозой опыта фольклора характерен углубленный анализ новой действительности в сочетании с более осмысленным творческим использованием философии и эстетики фольклора. Жанровый состав прозы этих лет характеризуется наличием развитых форм малых эпических жанров, выраженной эволюцией жанра повести и становлением романной формы (повести и романы М. Мамакаева, Х. Ошаева, С. Арсанова, М. Сулаева).

4. Третий этап (1980-2000 гг.) освоения устно-поэтического наследия связан с развитием жанра романа, его различных модификаций («Пламенные годы» Х. Ошаева, «Красные цветы на снегу» Ш. Окуева, трилогия «Долгие ночи», «Молния в горах», «Буря» А. Айдамирова, «Линии судьбы» Ш. Арсанукаева, «Горы молчат, но помнят» М. Сулаева и многие другие), в которых национальная действительность осмысливается в контексте крупных современных проблем. Освоение фольклорной традиции в чеченском романном эпосе приобретает характер органического плодотворного синтеза фольклорной и литературно-художественной поэтики.

5. В современной чеченской прозе по-прежнему четко маркируется фольклорная парадигма. Фольклор продолжает оказывать заметное влияние на семантическую, структурную, поэтическую основы эпики, присутствуя в художественной основе романов и повестей имплицитно, в глубинных слоях текста. Имплицитный характер фольклоризма современных эпических повествований способствует усилению философского начала, более глубокому и яркому отображению национального духа, национального менталитета, национального бытия.

6. В эпике чеченских писателей используются и творчески реализуются древние архетипы (матери, старца, воина, певца) и мифологемы (камня, коня, всадника, пути), мотивы народного эпоса, разножанровые фольклорные произведения. Их роль в художественной системе произведений носит полифункциональный характер, они являются смыслообразующими элементами, обогащая поэтику, усиливая эстетическую, нравственную, философскую, национальную основу произведений.

7. Основные этапы развития чеченской прозы отражают жанровую, идейно-художественную эволюцию и плодотворную интеграцию фольклорной и художественной поэтики. Фольклористическая концепция чеченских писателей трансформируется и выражается в отказе от внешних приемов фольклора, поверхностного освоения устно-поэтической традиции и переходе к глубинному, творческому ее освоению.

Методы исследования обусловлены решением конкретных задач на различных этапах работы и определены характером исследуемого материала. В работе применяются историко-литературный и сравнительно-типологический методы, а также системный подход, позволяющий выявить и определить роль фольклора в чеченской прозе.

Теоретическая значимость работы состоит в целостном исследовании эволюции чеченской прозы с определением в ней роли национального фольклора, характера и типов фольклоризма, углублении представления об актуальной научной проблеме взаимодействия фольклора и литературы. Выводы найдут применение в дальнейшем исследовании проблем северокавказской литературы и фольклора.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования могут использоваться в учебном процессе в общих курсах «Устное народное творчество», «История и теория новописьменных литератур», при чтении лекций по истории литературы Северного Кавказа, по фольклору и литературе чеченцев, при разработке спецкурсов, спецсеминаров, посвященных вопросам фольклорно-литературных взаимосвязей.

Апробация исследования и реализация его результатов. Диссертационная работа обсуждена на кафедре литературы и методики преподавания Чеченского государственного педагогического института. Материалы исследования были представлены в качестве докладов на Горьковских чтениях (Грозный, 1988), на региональных и межвузовских научно-практических конференциях (Грозный, 1996-1998, 2001-2002; Назрань, 1999), на международных научных конференциях (Майкоп, 2003; Махачкала, 2005, 2007; Пятигорск, 2006). По теме диссертации опубликовано 3 монографии и более 30 статей.

Объем и структура диссертации определяются ее исследовательскими целями, задачами, работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность темы диссертации, ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи работы, характеризуется научное состояние изучаемых проблем, излагается теоретическая и практическая значимость результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Роль и значение фольклора в формировании и становлении чеченской прозы» рассматриваются особенности зарождения чеченской литературы в контексте фольклорной традиции.

1.1. Духовно-эстетические истоки чеченской литературы.

Исследование ее различных аспектов нашло отражение в ряде работ¹. Однако на сегодняшний день остается много нерешенных вопросов, в частности, требуется всестороннее изучение влияния различных жанров фольклора на эволюцию чеченского письменного эпоса. Известные процессы, происходившие в российском обществе конца XIX – первой четверти XX вв., активизировали жизнь народов империи, в том числе и чеченского. Они обусловили ускорение ду-

¹ Ахмадов Я.З. Исторические реалии в героических песнях *илли* // Поэтика чеченских (героических песен *илли*. - Грозный, 1983. - С. 32-48; Гиреев В.Ю. К вопросу о клишированности в жанре *илли* // Поэтика чеченских героических песен *илли*. - Грозный, 1983. - С. 22-32; Джамбеков О.А. Жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен *илли* // Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Майкоп, 2008; Корзун Б.В. Фольклор горских народов Северного Кавказа. - Грозный, 1966; Хасиев С.-М.А. Этнографические реалии в героических песнях *илли* // Поэтика чеченских героических песен *илли*. - Грозный, 1983. - С. 48-73; Ужахова Р.К. Женские образы в героико-историческом эпосе // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. - Грозный, 1988. - С. 128-132; Эльмурзаев С.Ч. Общее и специфическое чечено-ингушских нарт-эпсхской сказаний в кавказском эпосе «Нарты» // Известия. Вопросы чечено-ингушской литературы. - Грозный, 1968. - Т.V. - Вып. 3.-С. 73-95.

ховных процессов: зарождалась новая чеченская литература, был создан научно-исследовательский институт, который начал собирать и изучать национальный фольклор. Вскоре это все было регламентировано идеологическими институтами большевиков, которые требовали от ученых социально-классового подхода и к литературе, и к фольклору. Процесс роста национальной литературы был прерван войной и депортацией народа. Богатый чеченский фольклор оставался, в основном, в памяти народа.

В.Б. Корзун в предисловии к сборнику чеченского фольклора «Чудесные родники» (1963) определил его важнейшую составляющую: «На протяжении многих веков и даже тысячелетий народ осмысливал и суммировал художественный опыт поколений. Единственным хранилищем всех сокровищ национальной духовной культуры была лишь одна память ... безымянных певцов и сказителей»¹.

Именно опыт чеченских народных сказителей и исполнителей стал основой для создания ценностей духовной культуры. В чеченском фольклоре исследователи отмечают несколько периодов его развития. Наиболее древним пластом считается «преднартровский цикл», к нему относятся произведения, включающие песни и гимны, посвященные языческим богам, сказки и легенды мифологического происхождения, причитания, заклинания и другие. Произведений «преднартковского цикла» сохранилось очень мало.

По мнению ученых², проблема генезиса мифа и нартского эпоса всегда оставалась одной из самых сложных, поскольку её исследование предполагает обращение к фольклорным пластам, которые сохранились в незначительном объеме. Нельзя не согласиться с мнением Е.М. Мелетинского: «Главное в этом вопросе – дать правильную оценку самим мифам и выяснить (не растворяя эпос в мифе), какие мифы, в какой форме и на каких исторических этапах участвовали в формировании героического эпоса»³.

Как утверждает В.Б. Корзун, в преднартковом фольклоре нашли отражение образы тотемных прародителей, с которыми связывались некоторые культовые представления. Так, например, в чеченском фольклоре таким образом является волк, который, по мнению

¹ Чудесные родники / Предисловие В.Б. Корзун. – Грозный, 1963. – С. 5.

² Жирмунский В.В. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. – М.-Л., 1962; Мелетинский Е.М. Классификация народной прозы // VII международный конгресс антропологических наук: Труды. – Т. 6. – М., 1969; Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976 и др.

³ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаичные памятники. – М., 1963. – С. 163.

П.К. Услара, «самый поэтичный зверь в понятиях горцев»¹. С волком чеченцы связывают своё происхождение и говорят, что «родились в ту ночь, когда от волчицы родятся щенки».

В чеченском фольклоре встречается также и более позднее антропоморфическое переосмысление этого образа – лесные женщины, отличающиеся «чрезмерной красотой, волосы у них до пят и прекрасного золотисто-серебристого цвета»². Это *алмазы* (в чеченской транскрипции – алмазы) – злые и коварные обольстительницы, имеющие мужское обличие, считающиеся хозяевами леса и имеющие грудь в виде топора. Известно, что героини, обладающие такими качествами, встречаются в фольклоре и других народов Северного Кавказа.

Процесс эволюции народного творчества сопровождался зарождением и развитием скульптуры малых форм – это бронзовые фигурки медведя, быка, собаки, коня и т.д., большинство которых были тотемами родовых общин. По утверждению В.Б. Корзуна, «усиливался процесс сакрализации тотемных героев, хотя они в большинстве своем так и не оторвались от земли, появилась масса новых покровителей и богов, что свидетельствовало о дальнейшем освоении человеком действительности и в то же время о развитии религиозной мифологии»³. На дальнейшее развитие духовной культуры оказали влияние не только религиозные представления людей, но и сам образ «создателя мифов», человека. Это даёт основание считать его предшественником героев нартского эпоса, который стал достоянием всех народов Северного Кавказа. На сегодня накоплен большой научный материал по исследованию нартского эпоса⁴.

Как известно, сказания о нартах существуют на разных языках, это позволяет ученым предположить, что их создавали разные народы

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание, 2. - Тифлис, 1988. - С. 82.

² Корзун В.Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. - Грозный, 1966. - С. 36.

³ Там же.

⁴ Абаев В.И. Нартский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Дзауджикау: Северо-Осетинское гос. изд-во, 1945. – Т. X, вып. 11; Алиева А.И. Жанрово-исторические разновидности эпоса адыгских народов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: поэтика и стилистика. – М., 1980; Вагапов Я.С. Чечено-ингушские эпические песни XVI-XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Грозный, 1969; Гадагatl А.М. Память нации. Генезис эпоса «Нарты». – Майкоп, 1997; Гутов А.А. Поэтика и типология нартского эпоса. – М., 1993; Дялгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: исследования и тексты. – М., 1972; Инал-Ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов: опыт сравнительного изучения нартского эпоса // Сказания о нартах – эпос народов Северного Кавказа. – М., 1969; Зухба С.Л. Типология абхазской несквозной прозы. – Майкоп, 1995; Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах - эпос народов Кавказа. – М., 1969; Колясников Н.И. Нравственно-эстетическая организация базовых элементов культуры кавказского эпоса «Нарты». – Майкоп, 2005; Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. – М., 1985; Шаззо Ш.Е. Слово о «Нартах». – Майкоп, 2001 и др.

или один очень древний народ. Так, В. Абаев считает, что эпос создан предками осетин, аланами. «Можно допустить, - пишет он, - что мотивы, образы, даже целые сюжеты нартских сказаний могли возникнуть у народов разных, но чтобы термин «нарт», собственные имена Сатана, Урызмаг, Сослан, Сазрыко, Батрадз, Сырдон и т.д. появились независимо в разных местах - это совершенно невозможно»¹.

Изучение эпоса «Нарты» позволило выявить не просто ряд особенностей, а детально и глубоко исследовать вопросы типологии, поэтики, повествовательной стилистики (В.А. Абаев, А.А. Гутов, Ш.Д. Инал-Ипа, С.Л. Зухба), проблемы языка, жанра, сюжета, архитектоники (А.И. Алиева, М. и З. Кумаховы, И.Б. Мунаев, О.А. Джамбеков, Шаззо Ш.Е.), которые основательно повлияли на литературу Северного Кавказа.

Одним из последних исследований по проблематике нартского эпоса является работа Н.И. Колясникова «Нравственно-эстетическая организация базовых элементов культуры кавказского эпоса «Нарты» (2005). Актуальность, важность этой работы заключается в исследовании разных версий бытования нартского эпоса и выводе о том, что эпос является плодом единой духовной деятельности различных народов Северного Кавказа - одним из важнейших истоков кавказских литератур, и чеченской в том числе. В связи с этим, для нас важным представляется заключение Е.И. Крупнова, что «бурная эпоха, изобиловавшая бранными делами (военными столкновениями, массовыми походами... и героическими подвигами горцев Северного Кавказа), ознаменовалась и другим, новым и чрезвычайно важным культурным достижением - созданием эпической песни и первоначальным оформлением основ знаменитого героического нартского эпоса народов Северного Кавказа»².

На основе анализа множества проблем, связанных с эпосом «Нарты», мы приходим к выводу, что он оказал самое плодотворное влияние на культуру и литературу Северного Кавказа, в том числе и на чеченскую.

Чеченский фольклор богат и разнообразен в жанровом отношении, его ведущими жанрами являются эпические сказания и сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, героико-исторические песни *илли* и др.

Чеченский фольклор, безусловно, отражает не только эволюцию духовного сознания народа, но и выражает национальные особенности его культуры. В данной работе мы придерживаемся традиционной классификации устного народного творчества, поэтому обращаемся к известным жанровым формам, поскольку для нас важна единая жан-

¹ Абаев В.И. Нартский эпос. - Орджоникидзе, 1957. - С. 35.

² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960. - С. 372.

ровая картина народного эпоса, выражающая эстетику и культуру национального мышления.

Бытовые сказки в чеченском фольклоре тяготеют к историзму, в них широко представлены картины социально-исторической борьбы народа. В бытовой сказке существенно расширяется диапазон интересов создателей, меняется система художественных образов. На первом плане оказывается противопоставление (бедняк – богач, бедняк – мулла (шейх)), которое выражается в конкретной ситуации, где, как правило, бедняк оказывается умнее, честнее, находчивее, а действия богача или мุลлы заслуживают порицания и негативной оценки. Так, своеобразной характеристикой таких отношений служит сказка «Что говорят про мулл и хаджей», композиционно состоящая из пяти небольших произведений, объединенных общей идеей, темой и общими героями.

В бытовой сказке также усиливается реалистическая тенденция. Конечно, в данном случае нельзя говорить о всестороннем раскрытии образа муллы. Как правило, в каждой отдельной сказке через конкретную ситуацию или поступок выявляется одна из негативных черт героя. Например, в сказке «Суд над двумя» подчеркивается корыстолюбие муллы и стремление к взяточничеству, в сказке «Женщина и мулла» – глупость и недалекость героя, в сказке «Как осел сделался шейхом» – нечестность и двуличие. Благодаря такому подходу создается обобщенный образ «святого», который далек от идеального. Следует отметить, что, несмотря на то, что сказки и сказания построены на занимательном сюжете, они передают глубинные черты национального характера и психологии, что четко отражено в структуре и композиции сюжетов.

Сказания и сказки во всех разновидностях подготовили основу для развития героико-исторических песен *или*. Этот жанр занимает ведущее место в чеченском фольклоре. Он достаточно глубоко изучен на сегодняшний день в работах известных чеченских ученых (Я. Вагапова, О. Джамбекова, И. Мунаева и др.). «Чеченские *или*, являясь продуктом одной из наиболее бурных эпох борьбы народа за свою независимость, представляют собой огромную ценность как культурное наследие, имеющее большое общественно-политическое, историко-познавательное и художественно-эстетическое значение»¹.

На основе глубокого анализа героико-исторических песен мы выделяем «общие места» и «поэтические формулы», используемые сказителями в различных вариантах, указывая на то, что они обладают устой-

¹ Умаров С.Ц. О чеченских героико-эпических песнях // Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей. – Грозный, 1979. – С. 79.

чивой внутренней структурой, постоянством и выполняют определённые художественные функции в поэтическом тексте, устанавливаем характер «общих мест» и «поэтических формул» в начале песенных событий, в прямой речи героев. Особое внимание в работе уделяется ситуативным эпитетам, которые играют существенную роль в жанрообразовании.

Широкое распространение жанра героико-эпических песен свидетельствовало об изменениях в духовной культуре чеченцев, о появлении общественных тенденций в устном народном творчестве. «Героико-исторические песни, - утверждает В.Б. Корзун, - дают возможность проследить процесс перехода от поэтической идеализации к реалистической типизации. В них резко ослаблен, а в ряде случаев совсем устранен гиперболизм, сводится на нет магическое начало, вмешательство чудесного. В центре песен – живой исторический человек, сохраняющий свое реальное имя»¹.

В них широко представлена тема общественной жизни и борьбы, что свидетельствует об актуальности этих произведений и усилении реалистического начала в структуре, продиктованной реальными, «земными», а не мифологическими константами.

1.2. Проблемы исследования чеченского фольклора: история и перспективы.

В «Очерках истории чечено-ингушской литературы» (1963) говорится, что запись и изучение чеченского фольклора начинаются с середины XIX века, с этого времени стали печататься произведения устной народной поэзии, в основном на русском языке. При этом следует отметить, что представители русской интеллигенции проявляли большой интерес к жизни кавказских горцев, к их обычаям и традициям: появляются статьи, очерки о горцах, публикации произведений чеченской устной народной поэзии в «Сборнике сведений о кавказских горцах»² (1869), в газетах «Терские ведомости» (1868), «Известиях Российского географического общества» (1872), в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881), в «Терском сборнике» (1890), а также в газете «Кавказ»³.

¹ Чудесные родники ... - С. 16.

² Омар-оглы А. [Воспоминания] // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 1. – 1868. – С. 13-64; Омар-оглы А. Как живут лаки // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 3. – 1870. – С. 1-24.

³ Письмо с дороги от находящегося в свите князя-наместника // Сборник газеты «Кавказ» [Полугодие]. - Тифлис, 1847. - С. 221-228; 300-306; Поездка к южному склону Эльбруса в 1848 году // Сборник газеты «Кавказ». - Тифлис, 1849. - С. 57-104. (В тексте приводятся пересказ кавказских легенд и слова горской песни).

Активными авторами этих изданий были известные кавказоведы А.П. Берже, Г.А. Вертепов, П.И. Головинский, Н.Ф. Грабовский, А.П. Ипполитов, Н. Семёнов, Б.К. Далгат и др. Со второй половины XIX века в печати появились публикации этнографов из вайнахов: бацбиец И. Цискаров, чеченцы У. Лаудаев, И. и А. Мутушевы, Т. Эльдарханов, ингуши Ч. Ахриев, А. Базоркин.

Заслуживают особого внимания записи П.К. Услара на чеченском языке: песня «О храбром Умахане», анекдоты о «Мулле Насреддине, приведённые в его труде «Чеченский язык». Также А. Генко записаны две народные песни и былины «О назрановце Мальсагове».

Первые образцы устного народного творчества чеченцев в русском переводе были опубликованы бацбийцем И. Цискаровым в 1849 году в газете «Кавказ».

Не менее важным является факт собственноручной записи на чеченском языке русскими буквами Л.Н. Толстым двух чеченских лирических песен от жителей селения Старый Юрт Балты Исаева и Садо Мисирбиева. Известно, что писатель в письме А. Фету сообщил о своём впечатлении от книги «Сборник сведений о кавказских горцах» (Вып. 1, Тифлис, 1868): «Там предания и поэзия горцев, и сокровища поэтические необычайные». Тексты записанных песен были отправлены А. Фету, их поэтический перевод знаменитого поэта был опубликован в январской книжке «Русского вестника» в 1876 году.

На формирование и развитие чеченской литературы значительное влияние оказали традиции национального фольклора и русской классической литературы. Имеющийся значительный опыт изучения проблемы «Кавказ и русские писатели» используется в диссертационной работе в качестве опорной составляющей при выявлении общих тенденций формирования чеченской прозы. Нами отмечается роль А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, А.И. Полежаева, Л.Н. Толстого, А.А. Серафимовича и других в художественном воссоздании мира Кавказа.

Важные и ценные наблюдения о чеченском фольклоре содержатся в работах историков и этнографов Г.А. Вертепова, П.И. Головинского Н.Ф. Грабовского, А.И. Ипполитова и других. Ими установлено, что в устном народном творчестве чеченцев прослеживаются взаимосвязи с другими народами, что является особенно важным в изучении духовной культуры и просветительства в целом.

Для формирования идейно-эстетической системы чеченских писателей важное значение имел опыт писателей-просветителей – Ш. Ног-

мова, Хан-Гирея, Адиль-Гирея Кешева, Крым-Гирея Инатова, Казы-Гирея, Ч. Ахриева, У. Лаудаева, И. Канукова и других. Одной из главных задач писателей-просветителей было, с одной стороны, знакомство с историей, бытом, культурой народов Северного Кавказа, с другой – стремление к просвещению и развитию культуры своего народа.

Осмысление этого материала, обогащенного новыми фактами, документами, свидетельствами участников этого многосложного процесса, привело нас к объективным выводам и обобщениям.

Можно сказать, что на формирование ключевых идей в кавказских произведениях Л.Н. Толстого оказало большое влияние устное творчество горцев. В атмосфере народного творчества живут герои повести «Хаджи-Мурат», исполняемые ими песни раскрывают их внутренний мир и предсказывают события. Продолжая русскую литературную традицию, Л.Н. Толстой поднял изображение быта горцев на новую художественно-философскую высоту, решая при этом общечеловеческие проблемы современности.

Специфика художественного осмысления жизни горцев, в том числе и чеченцев, формировалась в атмосфере всевозрастающего интереса к Кавказу прогрессивных сил России.

В связи с особенностями формирования чеченской литературы необходимо сказать и о просветительском реализме. Как справедливо отмечает Х. Хапсироков, «первыми, кто начал приобщать горцев к русской культуре и открыл русскому обществу подлинный мир горской действительности, была плеяда горских интеллигентов-просветителей XIX века»¹. Как пишет З. Суменова, «все мечтали о том времени, как писал ещё Ш. Ногмов, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знанию, и верили: «Ударит и для нас час, когда все примемся за грамоту, книги, письмо...»².

Ш.Б. Ногмов был одним из первых кавказских прогрессивных учёных, практически осуществивших программу просвещения в горской среде. В связи с этим Г.Ф. Турчанинов отмечал: «Научный и общественный подвиг этого выдающегося человека состоял в том, что в условиях полной безграмотности и бескультурия Кабарды того времени, он первый понял и на личном примере доказал, что дальнейшее развитие кабардинского народа без просвещения невозможно и что путь к

¹ Хапсироков Х.Х. О литературных взаимосвязях народов Северного Кавказа // Учёные записки Адыгейского НИИЯЛИ. Фольклор и литература. - Т. 3. - Майкоп, 1964. - С. 34-35.

² Суменова З. Кавказские очерки Инала Канукова // Литература и Кавказ. - Ставрополь, 1972. - С. 138-139.

просвещению и культуре Кабарды идёт только через Россию»¹. Позже появились просветители-адыги Султан Хан-Гирей, Адиль-Гирей Кешев, Крым-Гирей Инатов, Султан Казы-Гирей, Юрий Казы-бек Ахметуков. В центре внимания их творчества – жизнь и судьба народов Кавказа.

Анализируя творчество адыгских писателей-просветителей, И.Н. Хаткова правомерно отмечает: «Стремление показать прошлое во всём его величии вызвано, во-первых, желанием писателя возбудить интерес и уважение русской общественности к своему народу, к истории, культуре; во-вторых, неудовлетворенностью современной действительностью, основное содержание которой составляет Кавказская война, неуверенностью в правомерности перемен, сопровождающихся разрушением традиционной культуры и национального быта, всего того, что составляло самобытность народа. Отсюда и некоторая идеализация исторического прошлого, в котором видятся примеры идеально организованного общественного строя, высокой нравственности и этики»².

Следует сказать, что художественное творчество Хан-Гирея достаточно глубоко исследовалось в работах Л.Р. Меграбян, И.Н. Хатковой, И. Брантовой и других в контексте проблем русской и северокавказской литературы. Важно подчеркнуть, что адыгский просветитель одним из первых рассказал о жизни и борьбе кавказских народов, воссоздал национальный колорит и необыкновенный лирический пейзаж, раскрывающий психологию и внутренний мир героев.

В контексте просветительских идей, указанных выше, мы анализируем большой круг произведений чеченских авторов И. Цискарова («Лоза любви», «Картина Тушетии», «Записки Тушетии»), У. Лаудаева и Ч. Ахриева, которые ориентировались на фольклор. Так, например, Ч. Ахриеву принадлежит ряд публикаций фольклорных текстов с собственными комментариями. В его первую книгу «Из чеченских сказаний» (1870) вошли нарт-орстхойские сказания, которые предваряла авторская вступительная статья, создающая представление об устном творчестве чеченцев.

Важно отметить, что, помимо этого сборника, в первой половине 70-х годов XIX века Ч. Ахриевым опубликован ряд других фольклорных текстов и историко-этнографических очерков. На основе опубликованных материалов им впервые была произведена научная

¹ Турчанинов Г.Ф. Предисловие // Ногмов Ш.Б. Филологические труды. - Нальчик, 1956. - С. 5.

² Хаткова И.Н. Идеино-эстетические искания в русской литературе 1830-60-х годов и художественное творчество адыгских писателей-просветителей // Автореф. дисс... канд. филол. наук - Майкоп, 1996. - С. 8.

жанровая классификация национального фольклора, дана характеристика образов героев нарт-орстхойских сказаний.

По нашему мнению, наиболее активно чеченское просветительство проявляет себя в 80-90-е годы XIX века. Особую роль в развитии духовной жизни чеченцев и ингушей сыграл дагестанский ученый Б. Далгат. Он был одним из первых, кто посвятил свою деятельность вопросам истории и культуры горского общества, в связи с этим он писал: «Чеченский народ обладает богатою и самобытною творческою фантазией... Заглянув в глубь духовной жизни чеченцев, мы уже не сможем считать его народом неподвижным, неспособным к культуре, не имеющим народной словесности, поэтических произведений, сказаний и т.д.»¹.

Ученый раньше других высказал мысль, что чеченский народ давно уже нуждается в современной культуре и цивилизации. «Такой момент, - пишет он, - является чрезвычайно благоприятным для проведения в его жизнь принципов высшей культуры путём внимательного и разумного отношения к нему, основанного на глубоком знании его духовных и материальных потребностей»². Роль Б. Далгата в просветительской деятельности чеченского народа велика, поскольку он в своих трудах разъяснял и пропагандировал идеи передовой культуры и дружбы с русским народом.

В деле изучения и исследования фольклора вайнахов велика заслуга А. Шерипова, И. Саракеева, братьев Мутушевых, А. Нажаева, С. Бадиева, З. Джамалханова и многих других. Таким образом, собирательская, пропагандистская, публицистическая деятельность русских и кавказских ученых и писателей способствовала зарождению и активному развитию чеченской литературы, в том числе и национальной прозы.

Во второй главе «Фольклорная парадигма национальной прозы в художественном осмыслении социальных и духовно-психологических конфликтов в чеченском обществе 20-30 годов» рассматриваются вопросы формирования и развития важнейших жанровых принципов новописьменного эпоса в условиях обновляющихся общественных отношений.

2.1. Новый эпос и основные пути его развития.

Чеченская литература 20-30-х годов XX века стала началом нового этапа в развитии духовной культуры народа. Ее основателями были молодые авторы, которые глубоко знали народное творчество и опыт

¹ Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. - Вып. 3. - Кн. 2. - Владикавказ, 1893. - С. 130.

² Там же. С. 131.

русской литературы. Потребность отразить новую действительность, сделать героем произведений человека-созидателя стала составной частью их творчества. Авторы обращались к актуальным проблемам современности. Критика отмечала: «Содержание литературного процесса 20-х годов свидетельствует о том, что первый и очень сильный отзвук события... нашли в фольклоре. Началась генеральная переоценка морально-этических ценностей и эстетических идеалов»¹.

В. Корзун это писал в годы торжества социализма и его социалистической литературы. Но литературный процесс протекал не так спокойно и триумфально, как он пишет об этом, – тогда было принято не говорить о негативных процессах в духовной жизни общества, в том числе и чеченского. В центре в 20-х годах шла жесточайшая борьба в литературных кругах. Отзвуки ее доходили до писателей Северного Кавказа. Однако отсутствие глубинных традиций в авторском, письменном творчестве и особая цензурная жесткость на местах не давали молодым литераторам возможности свободно развиваться, тем более активно сопротивляться установкам РАПП-овских вождей. В силу этих обстоятельств северокавказские литераторы вынуждены были следовать вульгарно-социологическим установкам РАПП-овской идеологии и эстетики и неукоснительно подчиняться большевистским постановлениям местных «обкомов, райкомов» и т.д. Для молодых писателей ясно было, что содержанием социалистической литературы должна быть новая жизнь (новый герой), а форму они заимствовали у фольклора. Поэтому проявления художественности в молодых литературах были связаны, прежде всего, с показом национальной психологии и характера, быта на фоне «разрешенных» идеологических проблем.

Тематика произведений 20-х-30-х годов прошлого века была социально детерминированной, идеологически жестко продуманной. На первом плане оказался героизм людей, магистральными темами стали события, связанные с революционными преобразованиями в жизни горцев. В сознании писателей они были осмыслены через фольклорный и этнографический материал. На эту особенность указывает У.Б. Далгат: «Фольклорно-этнографический контекст обеспечивается включением в литературный текст различных народнопоэтических (образных, языковых, стилистических и др.) элементов и этнографических реалий. В сложной повествовательной системе они могут рассматриваться как своеобразные этно-эстетические микроединицы, в которых представле-

---

¹ История советской многонациональной литературы. - М., 1970. - Т. 1. -С. 301.

на поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа. Именно поэтому эти этно-эстетические элементы активно участвуют в самой художественной структуре произведения, в показе формирования национальных характеров, их нравственной психологии...»¹.

Безусловно, что в чеченской литературе периода зарождения и становления широко использовались не только фольклорные сюжеты героико-исторических песен *илли*, народных новелл, лирических песен, преданий, легенд, пословиц и поговорок, но также употреблялись устойчивые эпитеты и фразеологические обороты, средства и приемы народной поэтики.

У. Далгат указывает на объективность именно такого уровня общения писателей с фольклором в период зарождения и развития молодой литературы, когда авторы берут главным образом разного рода (поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая) «информацию о духовной и материальной культуре народа». Это тот материал, который живет в народной памяти и который может работать без особой перегрузки сюжета, композиции произведения, на расстановку в повествовании героев и событий и, в основном, на то, чтобы герой (как в народном произведении) проявлял свои исключительные качества, свою преданность новым социальным идеям и чтобы у него выработалось сознательное, позитивное отношение к ним. Поэтому суждений о сложных внутренних процессах в характере, психологии, противоречиях в системе воззрений героев на новое время в первых произведениях почти нет.

Писатели чаще обращаются к жанрам фольклора, содержащим в себе сатиру и юмор, в которых, как известно, наиболее открыто и конкретно выражены черты характера народа, мировоззрение, остроумие, смекалка.

На данном этапе формирования чеченской литературы исторически обусловленным становится сатирический рассказ. Во многом основанный на фольклоре, он успешно развивается и совершенствуется. Х.В. Туркаев отмечает: «Особенности юмора и сатиры чеченского и ингушского народов, - пишет он, - обусловлены периодом формирования в Чечне и Ингушетии феодальных отношений. Юмор и сатира, относящиеся к этому времени, в своём подтексте содержат элементы протеста против несправедливости, избочивают шейхов и мулл, судей и приставов, высмеивают наивных, не приспособленных

¹ Далгат У.Б. О фольклорно-этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. - М.: Наука, 1975. - С. 233.

к жизни людей. В юморе и сатире выражены черты характера народа, его остроумие, жизнерадостность. Высмеивая и бичуя плохое, негодное, мешающее обновлению национальной жизни, народ стремится в них пересмотреть исторически установившиеся общественно-социальные и нравственно-этические нормы бытия»¹.

Фольклор создается народом и отражает менталитет, характер, психологию всего народа. Безусловно, в нем он проявляет себя (может быть, активнее, чем во всем другом), свое социально-сословное начало. Другое дело, что в новое время отношение к фольклору стало тоже вульгарно-социологическим, как основное направление зарождающейся литературы: собирали, публиковали, исследовали те произведения фольклора, которые соответствовали социальному заказу, то есть те, которые «бичевали» старые порядки, прежних хозяев. Но пороки, как добродетели, присущи одинаково всему народу, и под объект критики устного сочинителя попадали и богатые, и бедняки. Юмор – тогда здоровый юмор, когда народ свободно и спокойно может смеяться над своими недостатками. То же самое и сатира – ближайший родственник юмора, – в ней находят отражения те особенности, несуразности, пороки, «язвы», как мы говорим, от которых хочет избавиться народ в целом. Возможно, критика «власть имущих» превалирует в устном творчестве.

В юморе и сатире выражены важнейшие черты народа, его остроумие, находчивость. Смех при изображении действительности в чеченском фольклоре является одним из самых действенных средств. Объект осмеяния почти всегда называется своим именем. «Важным художественным достоинством народных рассказов, сыгравшим значительную роль при зарождении литературы, явилось то, что они имеют свой миниатюрный сюжет, композицию, действующее лицо»². Примером является сатирический рассказ «На земле место не найдется», где показывается, как богатая верхушка народа пытается уйти от исторических перемен и сохранить свое богатство. Народ точно характеризует это явление, придавая всему социальный смысл.

В первое десятилетие после революции чеченские писатели (М. Сальмурзаев, И. Эльдарханов, Ш. Айсханов и другие) в основном обращались к жанрам фольклора, содержащим сатиру и юмор. Данная особенность была обусловлена конкретными историческими причинами, так как в своём подтексте произведения сатиры и юмора содержат элементы протеста против социальной несправедливости и под-

¹ Туркаев Х. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей... - С. 264.

² Там же.

черкуют остроту проблемы. Следует отметить, что такое положение характерно для всех молодых литератур, и для кавказских тоже. Видимо, оно имеет социально-психологическую почву, на которой возросла новописьменная литература: молодые авторы получили право «критиковать» хозяев прежнего режима.

Подобные тенденции прослеживаются и в других северокавказских литературах. Таковы, например, в адыгской прозе рассказы Т. Керашева «Водка», «Позор Машука», А. Хаткова «Жертва денег», Ю. Тлюстена «Князеубийца», И. Цей «Кожа», «Мулла Ибрагим», «По заветам старины», в дагестанской – «Кровь за кровь» Р. Динмагомаева, «Жертва невежества» А. Абакарова, сатирические рассказы и очерки Ю. Гереева; большим диапазоном творческих исканий отличаются новеллы Д. Гулия 20-х годов, рассказы М. Хашба «Расскажи-ка, писарь», сборник его рассказов «Алло». Многие из указанных произведений, как и чеченские, по мнению Ш. Инал-Ипа, «основываются на фольклорных источниках». ¹ Эти факторы свидетельствуют об общих для молодых литератур закономерностях их становления и формирования.

Первой попыткой перехода от фольклорных форм к литературному творчеству, к осмыслению новой и трудной действительности является рассказ М. Сальмурзаева «Сознательный Хамид» («Кхетаме Хьамид»). В этом произведении прослеживается сближение чеченской сатирической притчи и художественного творчества. «В рассказе, - пишет Х.В. Туркаев, - несмотря на то, что его форма и сюжет предопределены сатирическими рассказами и притчами... был сделан шаг в сторону реалистического отображения действительности» ².

2.2. Роль фольклора в эволюции жанра повести и формировании первых романов.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века в чеченской прозе интенсивно развиваются эпические жанры – повесть и роман. В произведениях С. Бадиева, М. Мамакаева, С.Б. Арсанова и других ставились вопросы, требующие художественного осмысления острых и сложных конфликтов действительности. В этот период характер их взаимодействия с фольклорной традицией меняется, выражаясь в стремлении авторов сочетать, переплетать ее с новыми формами художественного мышления. Переход этот был еще не совсем отчетливо выражен: в рассказах и небольших повестях начального этапа авторы тяготели к ху-

¹ История советской многонациональной литературы, в 6 т. – Т. 1. – С. 280.

² Туркаев Х. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей... - С. 264.

дожественной обработке фольклорных текстов. Нельзя сказать, что ныне авторы от этого отказались: имея этот опыт, они смелее обращаются к многосложному осмыслению эстетики и фактуры фольклора в новом письменном эпическом тексте. Исключительно важное значение для эволюции чеченской прозы имели две книги рассказов и повестей С. Бадиева «Адаты». В них писатель говорит о героях, страдающих от жизненных невзгод и несправедливости. В основе каждого из произведений («Адат», «Колодец», «Олдум», «Бауддин», «Зайнап», «Имран», «Месть», «Ураза» и др.) лежит фольклорный сюжет, творчески осмысленный и художественно обработанный. В отличие от фольклорных произведений, в рассказах и повестях С. Бадиева усилена социальная проблематика, изменена характеристика героев, традиционная тема приобрела современное звучание.

С. Бадиев в повести «Голод» продолжил разработку проблематики ранних произведений и расширил жанровые границы повествования за счет усиления конфликта, углубления мировоззрения героев, усложнения внутреннего мира, использования художественных приемов, подчеркивающих антиномическое противостояние и противоречивость действий, идей героев.

Столкновение старого и нового, возникающие на этой почве события и конфликты, наполненные драматизмом, нашли отражение в другой повести С. Бадиева – «Бешто». В ней рассказывается о трагической участи двух влюбленных – Бешто и Бусаны, – не побоявшихся вступить в конфликт с теми, кто ревностно выполнял все предписания адата.

Национальное своеобразие повести «Бешто» проявилось не только в изображении характеров, но и в ориентированности на фольклорную основу повествования, которая выражается в контрастной романтизации, в исторической мотивировке, в принципах построения сюжета и композиции, в использовании художественно-образительных средств языка (метафор, эпитетов, сравнений), характерных для произведений устного народного творчества.

Эволюция творческих принципов автора выразилась в том, что в его произведениях публицистическая описательность постепенно уступала место реализму. Первые повести С. Бадиева примечательны тем, что в них он исследовал важнейшие стороны характера национальной психологии и ментальности, показывая историческую правду в сложных драматических коллизиях времени. В повести «Огненная гора» он остался верен сформированным принципам и продолжил их развитие, но уже на другом материале.

В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века в чеченской литературе продолжает развиваться жанр рассказа в творчестве М. Сальмурзаева, С. Бадиева, Ш. Айсханова, С.Б. Арсанова и выходит на уровень больших обобщений, свойственных произведениям крупных жанров. Их произведения создавались на фольклорной основе, но фольклор чаще всего использовался писателями для развития сюжетики, которая не довлела над художественным материалом.

Рассказ «Шабá непутевый» Ш. Айсханов создал по мотивам песни «О храбрóм Юнусе». В рамках фольклорного сюжета он мастерски разработал новые образы и идеи, характеризующие новые социальные отношения в обществе.

Рассказы и очерки другого писателя, С.-Б. Арсанова, активно печатались в северокавказской периодике с 20-х годов XX века. В эти годы писатель также работал над главами романа «Когда познаётся дружба», которые публиковались в альманахе «Революция и горец». В полном объеме произведение С.-Б. Арсанова напечатано только в 1956 году. Рассказы писателя, написанные в 20-е годы, но не опубликованные своевременно в связи с трагическими обстоятельствами в жизни писателя, составили книгу «О близком и далёком» (1969). Мы рассматриваем их в контексте литературного процесса 20-30-х годов, поскольку они созданы в этот период и отражают проблематику и историческую реальность этого времени. Рассказы, вошедшие в книгу С.-Б. Арсанова («Мать», «Находка», «Бено», «Ожидание», «Волчий закон», «Председатель РИКа», «Серебристая улыбка»), объединены образом рассказчика, который выступает от лица и автора, и героя.

В рассказах просматривается реалистический подход к воссозданию нелегкой послереволюционной действительности в сочетании с традициями устного народного творчества. Создавая образ положительного героя, автор стремился наделить его лучшими качествами характера, показать таким, каким был герой чеченских песен *или*, преодолевавший трудности и препятствия и выходявший победителем.

Фольклор, властно вторгаясь в литературу, во многом определял её эстетические, стилевые и художественные особенности. Следует подчеркнуть, что имела место не фольклоризация, а освоение художественного богатства прошлых лет.

В то же время писатели этого периода стремились, сохраняя фольклорные традиции, создавать произведения, отражающие «грандиозность» героико-исторических событий, динамику и «взвихренность» времени, запечатлеть перемены не только общественно-соци-

ального, но и личного плана. Профессор Х.В. Туркаев справедливо указывает на этот факт. Он считает, что в чеченском фольклоре, а именно в историко-героических песнях, были выработаны традиции освещения исторической действительности. Использование героико-исторических песен в основе художественных произведений в чеченской литературе в этот период было обусловлено стремлением писателей воссоздать закономерное историческое развитие общества и рост самосознания личности. Писатели, осваивая художественное мастерство, приобретали навыки сюжетостроения, овладевали новыми способами раскрытия характеров героев и т.д., поэтому фольклорная основа не стала доминирующей в романах С. Бадиева, С.Б. Арсанова и других. Возможно, уникальный синтез художественности и фольклора выдвинул эти произведения на первый план не только в этот период, но и в последующей чеченской литературе.

На основе сюжета народной «Песни о бесчестном мулле и прекрасной Зайнап» С. Бадиев создал роман «Петимат» (1930). В нем писатель усилил социальную проблематику, усложнил развитие коллизий и впервые в чеченской литературе воссоздал психологический образ женщины. Однако нельзя сказать, что характеры героев глубоко и детально раскрыты. Образ Петимата наиболее разработан по сравнению с другими в романе. С. Бадиев максимально стремился приблизить его к реальности. В ходе сюжетного действия образ героини трансформировался, приобретая глубину и сложность, при этом автор широко использует характерные для фольклора эпитеты, метафоры, сравнения:

«буолатан зюьмаш» («булатные кандалы»);

«бакжхий сийна бляьргаш» («большие синие глаза»);

«нур база долчу бляьргашка» («глазам, не потерявшим излучения»);

«овкъаран басахь мархаи» («облака пепельного цвета») и т.д.

Опыт С. Бадиева убедительно доказывает, что национальный фольклор при условии творческого к нему подхода неизменно оставался неиссякаемым источником в решении проблемы реалистически и психологически достоверного характера, что давало возможность исследования новой действительности, её коллизий, современных характеров в соответствии с национальными и ментальными его особенностями.

В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века в чеченской литературе стал активно работать С.-Б. Арсанов. В этот период в журнале «Революция и горец» печатались отдельные главы его романа «Когда познается дружба», который впервые опубликован в Алма-Ате в 1956 году, а на родине, в Грозном, – в 1960 году. Важно отметить, что

С.-Б. Арсанов наряду с важнейшими социально-историческими проблемами в романе разрабатывает лирическую линию конфликта, связанную с чувствами и переживаниями Арсби. Это не только углубляет характер героя за счет психологизма, а делает его образ более зримым, осязаемым. В художественном пространстве романа сохраняется немало фольклорных мотивов, которые реализованы, прежде всего, в расстановке положительных и отрицательных персонажей, в описании скачек, национальных обычаев, использовании народных песен и преданий и т.д.

К концу 30-х годов в чеченской литературе оформились и стали интенсивно развиваться все эпические жанры, в том числе и роман, специфика которого складывалась под значительным влиянием традиций чеченского устного народного творчества во взаимодействии с русской литературой и другими литературами Северного Кавказа в контексте общего литературного процесса.

В третьей главе «Художественные особенности и характер фольклоризма чеченского романа второй половины XX века» исследуется фольклорная составляющая романов С.-Б. Арсанова, М. Мамакаева, А. Айдамирова, М. Ахмадова, Ш. Арсанукаева, М. Сулаева, ее влияние на художественно-философское содержание произведений.

В 50-е годы С.-Б. Арсанов продолжил работу над романом «Когда познаётся дружба». Он значительно расширил повествование за счет новых сюжетных линий, многоплановости, введения новых персонажей, что существенно повысило художественный уровень романа. В статьях Ф. Бреуса, О. Гончара, Н. Рыбака, М. Ауэзова, И. Сенькова отмечены сильные и слабые стороны этого произведения.

К исследованию романа С.-Б. Арсанова «Когда познаётся дружба» в контексте различных проблем неоднократно обращались известные северокавказские ученые Х.Р. Абдуллаева, М.М. Губанукаева, В.Б. Корзун, О.А. Мальсагов, Х.В. Туркаев, Р.К. Ужахова и другие.

Роман «Когда познаётся дружба» – разноплановое произведение, в котором широко показана сложнейшая эпоха социальных катаклизмов в переплетении сюжетных линий и комбинаций, в остром драматическом движении конфликтных узлов и образований, через которые проходят герои из множества общественных слоев, в столкновении характеров, жизненных принципов и устремлений. При всей панорамности и труднообозримости исследуемого материала, автор сумел все это расположить вокруг одной личности, найти единый фокус анализа.

Судьба главного героя Арсби носит автобиографический характер. Однако считать роман только автобиографическим нельзя в силу обозначенных нами параметров измерения событий и явлений революционного времени. В систему разнохарактерных средств анализа и обобщения многоликой действительности, в арсенал художественных принципов ее познания, ориентирующих произведение на объективный реалистический подход к решению современных проблем, автор без напряжения и перегрузки включает обширный поток этнопоэтической информации с описанием обычаев, традиций, нравов, психологии героев. Таким образом, автор придает этнографизму функции подлинной художественности, а не привнесённого извне орнамента.

Влияние фольклорных традиций в романе выразилось в особенностях композиционной структуры, в использовании эпитетов при создании пейзажа, реализации мифологемы пути в описании странствий героя, благородно принявшего на себя вину кровника, во включении в художественное пространство лирических, героико-исторических песен *илли*, реализующих архетипы воина, певца. Каждая народная песня, вошедшая в роман, не просто сопутствует героям романа и укрепляет их решимость, а раскрывает духовный мир исполнителя. Народные песни в исполнении героев романа – живительный родник, они дают им силы, придают смысл происходящему, формируют мышление и чувства.

Фольклоризм образов проявляется в их завершенности и «заданности» на уровне художественного замысла писателя, а также в поляризации героев на положительных и отрицательных, что соответствует фольклорной традиции деления на «добрых» и «злых». Так, Арсби, его мать Хадижа, его надежные друзья – воплощение лучшего и честного. Им противопоставлены богач Хаджебекир и ему подобные, характеризующиеся негативными качествами характера, содержательной фактурой их социума. Безусловно, в романе есть и попытки преодоления такого рода «заданности», что проявляется в стремлении С. Арсанова психологически контаминировать действия и поступки героев противоположного социального и духовно-нравственного статуса. Это дает писателю возможность создать убедительные художественные образы героев – представителей чеченского общества. Тем не менее, роман «Когда познаётся дружба» С.-Б. Арсанова остается «самым фольклорным» в чеченской литературе: в художественной структуре произведения органично реализовано немало разнотипных фольклорных произведений – чеченские лирические

песни, пословицы, поговорки, т.д. Несомненно, что писатель хорошо знал чеченский фольклор, он его впитал с детства и пронёс в своей душе через всю жизнь. Потому он естественно становится органичной частью художественного мира романа.

Время и первые опыты чеченских прозаиков показали, что роман и фольклор никак не являются системами взаимоисключающими, наоборот, современный эпос значительно обогатился в результате тесного общения с фольклорным, народно-поэтическим эпосом. О плодотворном их сотрудничестве свидетельствует героико-революционный роман, который стал активно развиваться в чеченской прозе второй половины XX века. В течение ряда лет М. Мамакаев осмысливал судьбу легендарного Асланбека Шерипова, возглавившего движение чеченского народа за обновление жизни, итогом стал роман «Мюрид революции» (1962). Объективность этого явления подтверждается особой популярностью жанра историко-революционного и исторического романа во всех северокавказских литературах. В отличие от исторического, историко-революционный роман активнее входит в «зону пролетарской» прозы и вырабатывает канонические формы повествования, ставшие вскоре шаблонными, особенно для молодых, развивающихся литератур. Главным ориентиром было «Хождение по мукам» А. Толстого. И выработался шаблон: бедняк встретился с русским рабочим (чаще он – ссыльный революционер), обучился революционному делу, стал главой национального движения (примеров – множество). Традиция жива и ныне, хотя в меньшей степени, и чеченская литература не является исключением. Однако она имеет и в этом отношении некоторое своеобразие, в основном связанное с драматической судьбой народа, который ее породил.

В романе «Мюрид революции» М. Мамакаев исследует духовное и социально-нравственное самосознание народа, пронесенное им через века в строгом соответствии с главными национальными ценностями, среди которых долг перед народом и родной землей, свобода, честь, независимость, активное сопротивление унижению и оскорблению народных масс и личности занимают основное место. Идеи эти оказались как нельзя кстати в эпоху революции. В опоре на них автор рисует развернутые картины важнейших событий, на фоне которых формировалось мировоззрение борца за свободу Асланбека Шерипова и вместе с ним зрело и укреплялось духовное и общественно-философское осознание народом своей судьбы и своего будущего.

Наряду с революционной романтикой в развернутом контексте романа М. Мамакаева присутствуют и фольклорные мотивы, прида-

вая содержательной основе романа и его героям национальный колорит. Асланбек Шерипов и внешне, и внутренне напоминает типичных героев чеченских народно-героических песен *или*. Неоднократно А. Шерипов оказывается в сложных драматических ситуациях, из которых с честью выходит, как и герои национального эпоса. Для него характерны благородство, мужество, героизм и самопожертвование. Любимая песня Асланбека – народная, прославляющая мужество абрека Вары: «В звуках пондара как бы слышатся голоса смелых нартов, журчание горных родников, ласковые слова любимой и грозный звон клинков, скрещенных в жарком бою. Поёт певец. Он славит честность, храбрость и доброту. Но что значит храбрость, когда герой выступает один против зла целого мира! Он погибает, потому что невозможно победить в этой неравной борьбе...»¹.

В романе, подобно сюжетам эпических песен и легенд, М. Мамакаев запечатлел бессмертие героя. Даже природа скорбит о безвременной гибели Асланбека: «рыдает Аргун», «склонились мрачные горы», «вековые дубы и чинары», «смолк щебет птиц» и т.д.

В другом романе, «Зелимхан» (1968), М. Мамакаев продолжил развитие реалистической тенденции повествования, опираясь также на устно-поэтическое наследие.

Особую роль в развитии национальной прозы сыграл Х. Ошаев, который тоже стоял у истоков формирования чеченской литературы. После возвращения писателя на родину был напечатан роман «Пламенные годы» (1959-1961). Писатель воссоздал судьбу своего народа и осмыслил важнейшие исторические события, через которые он прошел. В этом произведении влияние фольклора проявляется в обрисовке и героизации образа Шамиля, в разработке отдельных сюжетных линий и развитии масштабного многопланового конфликта, основанного на народном понимании противоборства добра и зла.

В отличие от этого произведения, Ш. Окуев в романе «Красные цветы на снегу» («Лай тӀехь цӀен зезагаш») (1978) активно использует фольклорно-этнографический материал. Большой пласт разножанрового фольклорного материала, введенного автором в повествование романа, служит для представления поэтической, эмоциональной, философской, социально-психологической информации о духовной и материальной культуре народа. В данном случае мы можем утверждать, что «эти этно-эстетические элементы активно участвуют в са-

---

¹ Мамакаев М. Мюрид революции. – М., 1968. – С. 195.

мой художественной структуре произведения, в показе формирования национальных характеров, их нравственной психологии...»¹.

Реализованные в романной ткани фольклорные мотивы значительно расширяют представления о жизни и быте народа, его мыслях и чаяниях. Опираясь на многовековой опыт народа, его традиции, Ш. Окуев стремится к достижению цельности лирического настроения, динамики драматического переживания, глубины, широты, убедительности показа событий. Фольклоризм романа является важным средством воплощения идейно-эстетической сущности произведения, которое можно определить как всестороннее исследование картин народной жизни в контексте сложного исторического развития времени.

Исключительно важную роль в эволюции чеченской прозы сыграла трилогия А. Айдамирова («Долгие ночи», «Молния в горах», «Буря»). В основе произведения – повествование о трагической судьбе горцев, переселившихся в Турцию в 1864-1865 годах и ставших заложниками колониальной политики. В трилогии нет главного героя – в этом принципиальная идейная позиция автора. Война, которую вели горцы с Россией, не была ни заслугой, ни прихотью. Это было движение масс, вынужденных взяться за оружие, чтобы не быть истреблёнными. В описании действительности писатель сохраняет историческую точность происходящего, включая «сквозных» персонажей (Маккал, Корней, Мачиг и Вассал), мужественно переносящих все тяготы полумирной-полувоенной жизни, и реальных исторических героев (Шамиль, Бакунин, граф Воронцов, граф Игнатъев, граф Барятинский, абрек Зелимхан).

Построение сюжетных линий в романах А. Айдамирова достаточно сложное, повествование ведётся сразу в нескольких направлениях. Наряду с документальными материалами эпохи (выдержки из газетных статей, из стенограмм выступлений депутатов Государственной Думы, из переписки с чиновниками и т.д.), включенными в контекст сложного эпического материала, вводится лирический элемент, призванный передать внутренний мир героев, их стремления и сомнения. Фольклорные элементы, выражающие национальный дух, народное сознание, опыт, органично интегрируются в авторский художественный текст. Это одно из средств создания национального колорита, психологии чеченца, передачи многосложного этнического мира.

В начале первого романа трилогии «Долгие ночи» подробно и обстоятельно воссоздаётся историческая обстановка на Кавказе в сере-

¹ Далгат У.Б. О фольклорно-этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. - М., 1975. - С. 233.

дине XIX века, предшествующая переселению горцев в Турцию. Писатель детально анализирует политическую, экономическую ситуации, выявляя причины трагедии, борьбы чеченского и других народов Северного Кавказа. На широком историческом фоне постепенно и крупно вырисовываются характеры личностей, которые, с одной стороны, принимают решения (генерал-лейтенант Лорис-Меликов, генерал-майор Кундухов), с другой – тех, кто исполняет эти решения, в первую очередь, таких как крестьянин Али.

Писатель создаёт в романе поистине широкие эпические картины переселения чеченцев в Турцию: «Двигались повозки и конные, шли пешие. Казалось, нет конца этому людскому потоку. Горцы шли, разделившись на двадцать восемь партий. Во время всего пути до границы их сопровождал конвой из офицеров». Пока чеченцы шли по родной земле, их не покидала бодрость духа и какая-то надежда: «...от лесов и гор, от аулов, видневшихся по сторонам дороги, от горцев, встречавшихся в пути, веяло знакомым и родным»¹. Однако встреча с Турцией не предвещала ничего хорошего, она воспринималась как большое народное горе. Людей разместили в бесплодной долине, в Диарбекире, выжить в такой обстановке было очень трудно, и они помогали друг другу, как могли. Неотступно перед каждым был образ далёкой родины, всё сильнее ими овладевало желание вернуться обратно, но каждая попытка вернуться на родину жестоко подавлялась.

Над вторым романом трилогии «Молния в горах» А. Айдамиров работал долго и тщательно, он собрал большой документальный материал о восстании в Чечне в 1877 и о том, какой отклик оно получило в общественных кругах. Фактическую основу произведения, так же, как и первой книги, составили многочисленные исторические документы, воссоздающие хронику восстания, ссылки на записки очевидцев, воспоминания участников и военные мемуары.

Художественно убедительно, и, в то же время, опираясь на документальный материал, писатель опровергает официальную позицию историографии, что восстание 1877 года было поднято религиозными деятелями, «увлѣкшими за собой легковѣрных и наивных горцев-крестьян». Причины этого восстания А. Айдамиров видит в глубоком сословном размежевании, когда вражда и непримиримость стали неотъемлемыми чертами взаимоотношений в этносреде. Вместе с тем, пытаясь избежать односторонности и схематизма, он показывает,

---

¹ Айдамиров А. Долгие ночи. – М., 1996. – С. 433.

как социальная борьба была осложнена идеями национального освобождения.

В романе А. Айдамирова анализом причин восстания в Чечне занимается Яков Степанович Абросимов, журналист, прогрессивный деятель, по своим взглядам близкий к революционерам, именно ему писатель доверяет важнейшие размышления о судьбе чеченского народа. В то же время образ Абросимова важен для осмысления проблемы проникновения на Кавказ передовой мысли того времени.

«Записки Абросимова», приведённые писателем в романе, — очень ценный и важный материал, в нем содержится не только жестокая и горькая правда, но и попытка проанализировать ситуацию, разобраться в сложнейших вопросах истории. Публицист всецело разделяет чаяния чеченского народа, он считает несправедливым осуждение его за любовь к своей земле, за стремление защитить свою родину, честь, достоинство, за желание жить, как и все другие народы.

Совершенно справедливо герой романа подчеркивает, что в проблеме урегулирования взаимоотношений народов первостепенное значение имеют национальная культура, обычаи, традиции, в них раскрывается духовная основа народа: «Эти обычаи можно сравнить с могучим деревом, которое своими корнями крепко обхватило все общество и каждого человека. Обычай чеченца обязывает, чтобы младший почитал и уважал старшего, а старший считался с достоинством младшего. Любой человек имеет право младшему по возрасту дать любое поручение и потребовать его выполнения. Но тот же, старший по возрасту, обязан прийти на помощь младшему, пожертвовать своей жизнью, спасая его. Если в дом чеченца в гости придёт даже кровный враг, пока он в доме — для хозяина он друг и брат... Обычай обязывает чеченца не ронять честь и достоинство при любых опасных обстоятельствах, даже если для этого надо умереть... Эти обычаи не записаны, как европейские законы, но они передаются из уст в уста и живут столетиями»¹.

А. Айдамиров уверенно вводит в художественную ткань романа стиль живой публицистики с тем, чтобы наглядно продемонстрировать, какую энергетику несет в себе народно-этническая культура, выработанная в фольклоре в течение веков. При этом речь идет не о формальном, механическом включении в художественный текст фольклорного материала, пословиц, поговорок, а об органичном их внедрении в авторское повествование, образовании единого сплава.

¹ Айдамиров А. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Молния в горах ... - С. 285.

Абросимов, рассуждая о своеобразии чеченского языка, утверждал, что этот язык, будучи богатым художественными образами, как будто специально создан для чеченских песен, легенд и сказок: «Главное содержание устного народного творчества этого народа – осуждение трусости, жадности, жестокости, вероломства, измены, и, наоборот, – восхваление дружбы, благородства, верности, мужества и уважения к женщине. Прибавьте ко всему этому острый ум и весёлый нрав чеченца. В песнях ярко отражается их глубокое уважение и любовь к другим народам»¹.

Разножанровый фольклорный материал, творчески реализуемый в трилогии А. Айдамирова, является свидетельством полифункциональности фольклора в современной чеченской прозе. В диссертации представлена схема фольклорно-жанровых образований, полученная методом типологического сравнения фольклорных элементов как в чеченской, так и русской версиях, и отражающая единую картину их репрезентации в трилогии. В итоге установлено, что самыми распространёнными жанрами фольклора в трилогии являются пословицы и поговорки: они «рассыпаны» по всему художественному полотну трёх книг, придавая яркость и национальный колорит речи героев, подчеркивая глубину и мудрость суждений. Для создания поэтичности, музыкальности, национального колорита в художественную структуру трилогии введены лиро-эпические песни, служащие не только фоном, передающим настроение, раскрывающим психологию, но и отражающие многовековую историю чеченского народа. Особенно актуализированы героико-исторические (*или*, *узам*), духовные (*назма*) и лирические песни, которые чаще всего исполняются героями трилогии и ярко, самобытно выражают народное сознание, национальный дух чеченцев.

Проведённый сравнительно-типологический анализ полученных материалов (схема-таблица представлена в диссертации на 216 с.) позволил вычленить фольклорные тексты и их жанровую специфику, определить роль и функции фольклорных элементов в художественном пространстве трилогии А. Айдамирова.

Чеченская проза 80-90-х годов прошлого века представляет собой достаточно сложный этап, поскольку её развитие, как и жизнь всего народа, было прервано войной. Однако, несмотря на возникшие сложности, многие чеченские писатели активно продолжали своё творчество. В начале 80-х годов был напечатан роман в стихах на че-

¹ Айдамиров А. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Молния в горах ... - С. 285.

чеченском языке Ш. Арсанукаева «Линии судьбы», на русском языке – роман М. Ахмадова «На заре, когда звёзды гаснут» и в начале 90-х годов – М. Сулаева «Горы молчат, но помнят». С этими произведениями чеченская проза фактически вышла на широкую и просторную орбиту общероссийской литературы. В этом существенную роль сыграла поэтика национального фольклора, которая мощно и свободно проявила себя в национальной прозе последнего времени. В текст романов широко вводятся мотивы воинской доблести, дружбы, заимствованные из эпоса, историко-героических песен *илли*, реализуются архетипы матери, воина, певца. В романе М. Ахмадова особенно востребованным является архетип матери. Отметим, что мать всегда оставалась главной морально-нравственной опорой героев песен «Илли о Жаммирза Мадиеве», «Илли о Темирко, сыне Ахи», «Илли об Автархане, сыне Дибы» и др.

В другом романе, «Деревья в сумерках» (1988), М. Ахмадов пытается спроецировать модель жизни молодого поколения, когда не всегда соблюдаются законы миропорядка, предусмотренные предками и живущие в сознании народа тысячи лет. В осмыслении и решении многих проблем, порожденных нынешними конфликтными ситуациями, важнейшую роль играют песни Астамара, живущего в лесу пятьдесят лет; девичьи песни звучат из уст Имани, народную песню вспоминает и волчица, рассказывая о тяжелой судьбе той чеченской девушки, которой она была в прошлой жизни:

*Из чего ты сделано, сердце в груди,
Каким твёрдым ты оказалось, сердце...¹*

Для воссоздания единой картины эволюции чеченской прозы второй половины XX века важен роман М. Сулаева «Горы молчат, но помнят», опубликованный на русском языке в 1992 году после смерти писателя. Судьба самого произведения тоже драматична. В 1966 году был опубликован на чеченском языке роман «Тавсултан уходит с гор» («Тавсолта ломара д'лавоьду»). Основным конфликт этого произведения ограничен рамками семейной драмы, за которыми неразвернутыми оказались сложнейшие проблемы депортации чеченского народа. Писателю понадобилось время, изменение социально-исторической ситуации, чтобы сделать попытку объективного анализа произошедшего. Спустя четверть века был представлен новый вариант романа под названием «Горы молчат, но помнят».

¹ Ахмадов М. Деревья в сумерках. - Грозный, 1993. - С. 272.

В этом романе М. Сулаева отразилась новая общественная информация, которая стала достоянием гласности только в конце 80-х годов. Писатель в предисловии сформулировал концепцию своего произведения: «В ночь на 23 февраля 1944 года, в три ноль-ноль (в праздничный день – День Красной Армии!) по коварному замыслу «отца народов» Сталина и его послушных холуев, Молотова, Берии, Когановича, полмиллиона чеченцев и ингушей... были в считанные часы взяты под ружьё, погружены в товарные эшелоны, лишены имущества, домов, скота, вырваны с корнями из родной, исконной своей земли и насильственно вывезены в далёкие края... Около половины переселенных погибло в первые же месяцы изгнания от морозов, болезней и голода»¹. Писатель осмысливает депортацию не только как факт истории народа, но и как философию разрушения его национальных, этнических основ.

В 80-90-х годах XX века чеченские писатели глубоко осмысливали и разрабатывали на материале современности тему исторической правды, воссоздавая и бережно сохраняя национальные традиции, обычаи и обряды, отраженные в народных песнях, преданиях, легендах, составляющих важнейшую и неотъемлемую часть идейно-художественного пространства произведений и определяющих их национальную специфику.

В **Заключении** содержатся общие выводы диссертационного исследования и подчеркивается, что чеченская проза с 20-х и до конца 90-х годов XX века проделала огромный и сложный путь эволюции, как в жанровом, так и в идейно-художественном содержании. В разной степени в качестве неизменной составляющей в произведениях чеченских писателей присутствует фольклорный материал и его мотивы, органично синтезированные с литературно-художественным пространством, усиливающие его идейное, художественное и философское содержание.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Публикации в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Джамбекова, Т.Б. Экспрессивное значение в системе языка чеченского фольклора / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Вопросы филологии. – М., 2006. – №6. – С. 138-141.

---

¹ Сулаев М. Горы молчат, но помнят, - Грозный, 1992. - С. 3.

2. Джамбекова, Т.Б. Категория противоположности в чеченском языке и фольклоре / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2006. – №10. – С. 303-307.

3. Джамбекова, Т.Б. К вопросу об определении жанра чеченских пословиц и поговорок / Т.Б. Джамбекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2009. – Вып. 1. – С. 20-23.

4. Джамбекова, Т.Б. Гуманистическая концепция прозаического творчества Саида Бадиева / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2009. – Вып. 2. – С. 20-25.

5. Джамбекова, Т.Б. Чеченское устное творчество как основа национальной культуры / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2009. – Вып. 2. – С. 104-117.

6. Джамбекова, Т.Б. Историзм и фольклорные истоки трилогии Абузара Айдамирова «Долгие ночи» / Т.Б. Джамбекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2009. – Вып. 4. – С. 14-16.

7. Джамбекова, Т.Б. Влияние устного народного творчества на развитие жанра чеченского романа 80-90-х годов XX века (на примере романа Ш. Арсанукаева «Линии судьбы») / Т.Б. Джамбекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – Вып. 1. – С. 18-23.

8. Джамбекова, Т.Б. Роль чеченского фольклора в развитии героико-исторической темы в дилогии Ш. Окуева «Красные цветы на снегу» / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – Вып. 1. – С. 24-29.

II. Монографии:

1. Джамбекова, Т.Б. Многозначность и омонимия в лексико-фразеологической системе чеченского языка (на материале фольклора) / Т.Б. Джамбекова // Майкоп: Адыгейское республиканское издательство, 2007. – 280 с.

2. Джамбекова, Т.Б. Чеченские народные пословицы и поговорки. Исследования и тексты / Т.Б. Джамбекова // Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2009. – 144 с.

3. Джамбекова, Т.Б. Фольклор как источник чеченской прозы XX века / Т.Б. Джамбекова // Майкоп: Издательство МГТУ, 2010. – 236 с.

III. Статьи и материалы:

1. Джамбекова, Т.Б. Восходя к истокам. (Пути развития чеченской литературы) / Т.Б. Джамбекова // Литература и фольклор: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. – Тбилиси, 1982. – С. 31-36.
2. Джамбекова, Т.Б. Отражение народного быта в чеченских пословицах и поговорках / Т.Б. Джамбекова // Тезисы докладов XXIII научной конференции координационного совета по фольклору при отделе языка и литературы АН ГССР. – Тбилиси, 1984. – С. 34-36.
3. Джамбекова, Т.Б. Пословицы и их использование чеченскими писателями (на чеченском языке) / Т.Б. Джамбекова // Орга. – Грозный, 1984. – №3. – С. 59-61.
4. Джамбекова, Т.Б. Некоторые поэтические особенности чеченских пословиц, поговорок и загадок. (На чеченском языке) / Т.Б. Джамбекова // Орга. – Грозный, 1985. – №2. – С. 90-93.
5. Джамбекова, Т.Б. Жанровые особенности чеченских поговорок и пословиц (На чеченском языке) / Т.Б. Джамбекова // Орга. – Грозный, 1987. – №1. – С. 39-40.
6. Джамбекова, Т.Б. Горький в творчестве поэтов Чечено-Ингушетии / Т.Б. Джамбекова // Горьковские чтения: материалы Межвуз. науч. конф. – Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1988. – С. 82-83.
7. Джамбекова, Т.Б. К вопросу о разграничении терминов пословиц и поговорок / Т.Б. Джамбекова // Сборник статей профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного педагогического института. – Грозный: Собар, 1997. – С. 14-18.
8. Джамбекова, Т.Б. Концевое созвучие чеченских пословиц и поговорок / Т.Б. Джамбекова // Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Грозный, 1998. – С. 253-254.
9. Джамбекова, Т.Б. Образ Вдовьего сына в чеченских героико-эпических песнях илли / Т.Б. Джамбекова, М.В. Исмаилова // Тезисы межвузовской научной конференции. – Назрань, 1999. – С. 64-65.
10. Джамбекова, Т.Б. Функции фольклорных элементов в романах Абузара Айдамирова / Т.Б. Джамбекова // Тезисы межвузовской научной конференции. – Назрань, 1999. – С. 65-67.
11. Джамбекова, Т.Б. Восхождение к Лермонтову (О некоторых аспектах переводческой деятельности Арби Мамакаева) / Т.Б. Джамбекова // Межвузовская научно-практическая конференция. – Грозный, 2001. – С. 104-106.
12. Джамбекова, Т.Б. Роль пословиц и поговорок в речи персонажей в романе «Молния в горах» Абузара Айдамирова / Т.Б. Джам-

бекова // Литература и современность: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. – Грозный, 2001. – С. 12-14.

13. Джамбекова, Т.Б. Героико-эпические песни илли как фактор истории чеченцев / Т.Б. Джамбекова, М.В. Исмаилова // Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная 20-летию ЧГПИ. – Грозный, 2001. – С. 105-106.

14. Джамбекова, Т.Б. Проблема войны и смерти в произведениях Кавказского цикла (рассказы «Набег», «Рубка леса») Л.Н.Толстого / Т.Б. Джамбекова // Материалы докладов региональной научно-практической конференции (К 150-летию со дня приезда Л.Н. Толстого в Чечню). – Грозный, 2002. – С. 42-45.

15. Джамбекова, Т.Б. Характер использования легенд и притч в романах Абузара Айдамирова / Т.Б. Джамбекова // Общечеловеческое и национальное в чеченской литературе: материалы науч.-практ. конф. – Грозный, 2002. – С. 22-23.

16. Джамбекова, Т.Б. Роль и место народных песен в романах «Долгие ночи» и «Молния в горах» Абузара Айдамирова / Т.Б. Джамбекова // Общечеловеческое и национальное в чеченской литературе: материалы науч.-практ. конф. – Грозный, 2002. – С. 23-24.

17. Джамбекова, Т.Б. Общечеловеческие ценности в творчестве У. Яричева / Т.Б. Джамбекова, Л.М. Янаева // Вузовская наука – народному хозяйству: материалы межвуз. конф. – Грозный, 2003. – С. 233-234.

18. Джамбекова, Т.Б. Многозначность в системе чеченского фольклора / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Грозный, 2005. – С. 386-387.

19. Джамбекова, Т.Б. Поэтическая лексика и фразеология в чеченском фольклоре / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Грозный, 2005. – С. 370-372.

20. Джамбекова, Т.Б. Роль кумыкских заимствований в развитии метафоры в чеченских героико-исторических песнях илли / Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков // Межкультурный диалог на филологическом пространстве: материалы II междунар. науч.-практ. тюркологической конф. – Махачкала: ДГПУ, 2008. – С. 56-58.

21. Джамбекова, Т.Б. Исторические и фольклорные истоки романистики А. Айдамирова / Т.Б. Джамбекова // Известия Чеченского госпединститута. – Грозный, 2009. – №1. – С. 34-35.

22. Джембекова, Т.Б. Краткий словарь литературоведческих и фольклорных терминов (на чеченском и русском языках) / Т.Б. Джембекова, О.А. Джембеков // Краткий словарь литературоведческих и фольклорных терминов. – Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2009. – 72 с.

23. Джембекова, Т.Б. Роль чеченских героико-исторических песен илли в формировании основных сюжетных линий повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» / Т.Б. Джембекова, О.А. Джембеков // Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. – Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2009. – С. 66-70.

ДЖАМБЕКОВА ТАМАРА БЕЛАЛОВНА

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЧЕНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА

АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 28.05.2010 г.

Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Бумага ксероксная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 2,75. Заказ №110. Тираж 150 экз.

Издательство МГТУ

385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

10-